

Леонид Лейдерман

Кеша хороший мальчик

Кеша попугайничал, то есть повторял то, что слышал. Потому что был попугаем, и к тому же говорящим. Думали, что он из волнушек, но нет, из благородных. Благородство же его говорения целиком зависело от того, что говорили ему.

Кешу купили внукам, но им некогда было с ним общаться, поэтому даже не дедушка был главным его собеседником, а бабушка. Как, кстати, и главной кормилицей. Семечки с Привоза привозила и подсыпала Кеше именно она. И, подсыпая, приговаривала:

– Бабушка, бабушка.

Будто приучала его к мысли, что самым важным для Кеши в этом доме человеком была именно бабушка и что Кеша должен это хорошо усвоить. Кеша усвоил, встречал бабушку вполне внятным воспроизведением заветных слов «бабушка, бабушка», за что тут же получал заслуженную похвалу:

– Кеша хороший мальчик!

Заслуженная похвала очень скоро превратилась в нескромную похвальбу, поскольку ее к месту и не к месту уже изрыгал клюв неумолимого Кеши.

– Бабушка-бабушка! Кеша хороший мальчик!

Это было забавно. Живая игрушка, о которой можно было по-человечески позаботиться – покормить, попить. Игрушка, за которой можно – и, простите, нужно! – прибраться после свободных полетов во сне и наяву. А уж это внукам было точно неинтересно! Но и здесь, как на боевом посту, была бабушка. И неудивительно, что из всех домашних Кеша ее выделял. Именно на ее левое плечо

планировал он откуда-то с потолка и долго не уходил, сопровождая старшую хозяйку во всех ее важных – всегда важных! – перемещениях по квартире. Не исключено, что в такие минуты Кеша мнил себя в одной из прошлых своих жизней этакой хитроумной рыбой-прилипалой, которая бесплатным пассажиром путешествует на спине доброй акулы.

В какой-то момент было решено вернуть Кешу в клетку. А поскольку деревянная клетка, в которой его когда-то привезли, была явно тесна, а Кеша уже успел привыкнуть к относительной свободе, ему купили более просторную, круглую с куполом, шикарную «золотую» клетку из сверкающих медных трубок. Сказать, чтобы Кеша был доволен, так этого поначалу не было, поскольку, как известно, неволя и в золоте неволя. Но, как тоже известно, и к неволе привыкают, особенно когда в этой неволе прилично кормят. А Кешу кормили вволю, и шелуха подсолнечных семечек, которую Кеша артистично выстреливал из своего узилища, была тому обильным подтверждением.

Новая клетка, однако, давала Кеше и преимущества. С наступлением тепла клетку стали выносить на балкон. Понятно, что Кеше открылись новые горизонты и море движущихся картинок, причем с разнообразным звуковым сопровождением. Конечно, до него и раньше доносились звуки улицы, но совсем другое дело поворачивать голову в сторону нового звучания и видеть, видеть, откуда оно исходит! Это же совсем другое дело. И по утрам Кеша уже стал нервно суетиться, давая присутствующим понять, что уже можно, давно можно отнести его вместе с клеткой на балкон.

И вдруг однажды во сколько-то часов пополудни, то есть ближе к вечеру, обнаружилось, что на балконе нет клетки с попугаем. Клетка исчезла. Строить предположения не имело смысла – настолько было очевидно, что клетку украли. Да и не мудрено!

Не мудрено. Дом был двухэтажный, то есть Кешин балкон нависал непосредственно над первым этажом. Комнаты здесь были не ахти какие высокие, всего три метра пятнадцать сантиметров. Но весь фокус в том, что первый этаж дома не только не был высоким, не только не был цокольным, а был вовсе даже заглублен.

Объясняли заглублие тем, что бывший рядовой доходный дом якобы закладывался еще во времена обустройства таможи и карантин и изначально планировался и, соответственно, строился как карантинные конюшни. И что, мол, даже коридоры, что проходят по центру квартир дома, первоначально были центральным проходом между стойлами! И заглублие сделано было, чтобы лошадям, когда возвращаются они с работы домой, чтоб им последний переход был легким. Чтобы возвращались они в конюшню в хорошем настроении.

При этом ссылались на дом номер пять по Еврейской улице, где были конюшни цирка и куда с тротуара шел широкий пологий спуск. Якобы специально для хорошего настроения идущих со своей работы домой четвероногих артистов. Что там были цирковые конюшни, так в том нет, мол, никаких сомнений. Потому как когда эта улица носила фамилию мало кому известного человека Бебеля, то от малокультурных одесситов можно было услышать грубое выражение типа «А не сходить ли вам в точно заданный район – на Бебеля, пять, слону спину почесать?». Ну а то, что слоны могут быть только в цирке или в цирковой конюшне, так это и ежу понятно! Хотя, может, и не было на Бебеля, пять, никаких конюшен, а просто это одесские байки.

Но здесь, где была и исчезла клетка с Кешей, конюшня была. А поскольку документального подтверждения этому никто не видел, напирали на косвенные признаки. Например, сколько колодцев канализации нужно жильцам дома со стороны улицы? Понятно же, что одного вполне хватает! Зато совсем другое дело лошади. Которые, не в пример людям, где пьют, там и льют, а пьют они ведрами! И если стойла у них с двух сторон, то колодцев должно быть поровну – что со стороны двора, что со стороны улицы. А на старом плане дома так и есть – поровну с двух сторон. Выходит, действительно были конюшни.

Вспоминали еще зловердных микровампиров – клопов. Их изгоняли керосином и выжигали примусами, только они возвращались снова и снова – на одежде из кинотеатров, в чемоданах из поездов. Но в этом доме был еще один источник клопных нашествий, незаметный и недоступный. Это были пористые

пластины коры пробкового дерева, выложенные у пола в стенах первого этажа. Утверждают, что это наследие конюшен, где пробковое дерево использовали для гидроизоляции. Ну как, мол, в конюшне без гидроизоляции?!

Так или не так, однако факт, что были конюшни или не было их, только первый этаж как бы присел ниже уровня тротуара. Поэтому, в отличие от обычных жилых домов, балконы здесь оказывались как бы притротуаренными – подпрыгни, ухватись руками, подтянись – всё! Махнул ногой – и ты на балконе. Еще и ограда поможет...

И уже были прецеденты. Так сказать, знаки судьбы, предупреждения. То куда-то испарились арбузы в двух авоськах, час назад принесенные на балкон из овощного магазина. Понятно же, что чудеса выглядят совсем не так. А то молодая хозяйка, бабушкина и дедушкина дочь, как-то на шорохи вышла на балкон, а там у окна стоят двое, один уже на кушетке, в вечерних сумерках не видно, кто. Дочь, сама испугавшись неожиданных гостей, командирским, однако, голосом спросила: «А вы что здесь делаете?». Незнакомцы слиняли туда, откуда пришли, но не мигом, а успев оставить на кушетке не высохшее за ночь пятно, из чего следовал вывод, что то были, видимо, подростки. Чем не предупреждение? То есть клетка, подвешенная для Кешиного удобства так, чтобы он лицезрел и общую панораму, и конкретные лица отдельных прохожих, клетка с Кешей как бы сама и просилась в руки этих прохожих. Конечно, если эти прохожие на самом деле еще и проходимцы.

Кеша пропал. Вместе с золотой клеткой. И конечно, как это чаще всего бывает, выплыл тихий вопрос: а не свои ли это постарались? Ведь когда-то давно, когда еще не у всех были сараи, а уголь для топки и дрова для растопки хранились в выгородках на входе в катакомбы, и когда из одной такой фанерной выгородки чудесным тоже образом исчезли девяносто (девяносто!) банок разнообразной закрутки, тогда вопрос так конкретно и формулировался – кто именно из своих постарался? Тут уж точно не прохожих проходимцев рук дело. И подозреваемая была, и милиция с собакой приходила – след искать. Не нашли ни след, ни закрутки, а не пойман – не вор.

Что же касается Кеши, то во дворе поначалу никаких подозрений и не появлялось – настолько велика была уверенность, что клетку сняли прохожие. При этом убедительно объясняли, что снимали, даже не залезая на балкон, просто поддели клетку какой-нибудь примитивной веткой-рогатиной, вот и всё.

Но через год или два шепнула соседка, что ей племянник уверенно сказал, будто это работа Митяши. Митяше в то время было уже лет шестнадцать-семнадцать, ни с кем во дворе он дел не имел, уважительностью не отличался и, что самое главное, являлся бог знает с кем. Его маме было не до него, деньги нужны всем, а за говорящего Кешу, да еще и за красивую клетку, какие-то деньги можно выручить. Так что это Митяша, больше некому. Тем более что соседкин племянник чуть ли не сам видел. Но не пойман – не вор. Хотя осадок был неприятно мерзкий. Каждый раз, встречаясь во дворе или на улице с Митяшей, дедушка сам себе был противен, что не решился когда-то прямо Митяшу спросить – правда ли? Но, с другой стороны, Митяша мог в ответ широко раскрыть очень удивленные глаза... И что тогда? Нет, правильно было ничего не говорить.

Правда, спустя много лет дедушка однажды все же соблазнился на отместку. Спустившись как-то во двор, он наткнулся на Митяшу, здоровенного уже дылду, говорившего с кем-то по телефону. Но что это был за разговор! Неважно, о чем (какое дедушке дело до чьих-то частных разговоров?); его поразило, с какой дерзкой легкостью Митяша сдобривает свою речь заурядной нецензурщиной, еще и во всеуслышание. Дедушка как будто даже обрадовался случаю хоть как-то поквитаться с Митяшей за Кешу и за все переживания. И потому строго спросил:

– Что это ты, Митя, так громко? Будто тут ни тебе женщин, ни детей!

А сам подумал – как же он в школе учился, если без «связки слов» двух слов связать не может?

Только просчитался дедушка. Митяша на скандал не пошел, грубиянничать не стал, напротив:

– Извиняюсь, голос не рассчитал. А с ними, – он поднял вверх руку с трубкой, – с ними иначе нельзя!

Так и остался Митяша безнаказанным. И хотя уверенности в том, что Кешу увел Митяша, не должно было у дедушки быть, – очень, видимо, хотелось ему видеть виновным конкретного негодяя, а не абстрактное множество неизвестных субъектов.

А надо было бы дедушке иметь в виду, что клетку с Кешей мог легко унести любой человек, склонный к воровству, – как было сказано выше, клетка сама просилась в руки. И не только потому, что от тротуара до балкона было, что называется, рукой подать, а еще и потому, что балкон выходил в переулок, практически безлюдный или почти безлюдный. Бери хоть Кешу, хоть арбуз – кто увидит? Никого нет...

Переулок – это, может, громко сказано. На одной стороне два дома, но оба выходят сюда боковыми фасадами, так что номеров домов здесь нет. Второй стороны у переулка вообще нет – вместо нее мощный булыжником спуск. Потому, видимо, и название переулку не понадобилось – зачем? Конечно, из уважения к рассказам старожиллов можно было бы что-то придумать. Например, Старо-Карантинноконюшенный. Тут тебе и отсылка к истории как бы, да и звучит впечатлительно. Но здесь могут быть и противники, поскольку среди некоторых коренных одесситов живет и не умирает другая мечта-идея. Мечта нарастить анфиладу мостов через бывшую Карантинную балку. И в самом деле, Сикардов полумост на Еврейской улице, за ним мост Новикова на Жуковского, дальше мост Коцебу на улице Бунина, за ним Строгановский на Греческой: не хватает для полного счастья еще одного моста – скромного, пешеходного, с улицы Дерибасовской через Польский и Деволановский спуски. Мост именно пешеходный нужен, но, конечно, не такой, как Тещин. Тот очень уж сугубо практичный, сухой какой-то. Не для того, мол, чтобы к теще на блины, а исключительно по делу да чтоб дорогу сократить. Нет, мост с Дерибасовской должен быть продолжением праздника, он должен быть красивым сам по себе и, конечно, арочным...

Так вот, если бы такие мечты вдруг стали явью, то новый мост вывел бы нас как раз в этот самый полупереулок, который стал бы продолжением главной улицы города. И тогда...

Для нас же важно то, что пока мечта всего лишь мечта, переулок этот очень часто безлюден, и потому подозревать Митяшу

в краже, конечно, можно было, тем более что шепнули (а дыма без огня не бывает!). Но утверждать наверняка было нельзя. Потому что не пойман.

Между тем Кешины опекуны были опечалены. К нему привыкли, он стал как бы членом этой семьи. Это понятно всем, у кого в доме жили кошки или собаки, и наступал день, когда с любимцем или любимицей приходилось прощаться. Здесь же к неожиданному – и насильственному! – прощанию прибавился тревожный вопрос: в чьи руки попадет Кеша, будет ли ему там вольготно и легко, как было здесь? А в том, что здесь ему было и вольготно, и легко, и уютно, и тепло, никто не сомневался. Потому что так самозабвенно болтать, как Кеша, могут только счастливые попугаи. В чьи руки он попадет? Будет ли счастлив?

Однако все осознавали, что потеря – это потеря, и что к этому нужно относиться философски. Все проходит, пройдет и это.

И прошло. Прошло много лет, за много лет многое произошло, новые радости и печали затмили – на время или навсегда – старые радости и печали, в том числе обидную и грустную историю с говорливым Кешей. Во всяком случае, если и не навсегда затмили, то вспомниться эта история могла только при случае.

И случай представился.

Одним мартовским утром в квартире, где когда-то проживал Кеша, позвонили в дверь. «Внучка», – подумал дедушка и поспешил в коридор. Правда, звонили не только в их звонок. Слышно было, как сосед говорит жене: «Не беги, там пошли открывать». А дедушка уже распахивал дверь, наигранно проговаривая привычное предприветствие:

– Кто к нам пришел?

Но это не была внучка. Это был рослый мужчина, описать которого дедушка потом затруднялся – не разглядел. То ли по причине ослабевшего зрения, то ли из-за тусклого утра.

Мужчина, поздоровавшись, сказал:

– В этой квартире лет десять назад украли белого попугая. Вы не знаете, у кого именно?

Вопрос был настолько неожиданным, что дедушка на какую-то долю секунды замешкался с ответом. Да и попугай был не белый. Светлый, но не белый.

– Ну... у меня, – проговорил, недоумевая.

– Это я украл, – голос мужчины, только что по-деловому спокойный, дрогнул слезой.

И опять дедушка замешкался. Надлом в голосе мужчины говорил о том, что короткая эта фраза (наверное, до этого не раз мысленно произнесенная) далась ему не так уж и легко.

– Кто вы? – почему-то спросил дедушка.

Потом дедушка объяснял свой вопрос тем, что сразу подумал, будто перед ним Митяша, которого он просто не узнал. Мужчина же вопрос принял и понял его по-своему. Уже твердым голосом он ответил:

– Я тогда употреблял наркотики. И вот... Могу ли я что-то для вас сделать?

Что он мог иметь в виду? Ну не компенсацию же какую-то материальную, ведь так? Не нашел других слов? А какие они должны были быть, эти другие слова? Но дедушка и не ждал от него каких-то других слов. Ему как будто все равно было, какие именно слова говорил этот человек. Перед ним мелькнула картинка, которая уже много лет нет-нет да и возникала перед глазами. Картинка с Привоза. Во фруктово-овощных рядах со стороны Екатерининской улицы торчала из земли водоразборная колонка, у которой можно было и ополоснуть аппетитную попку для немедленной дегустации, и набрать воды, чтобы освежить томящуюся на солнце зелень. К этой колонке к двенадцати часам подтягивались наркоманы: в это время на Привоз привозили заветные дозы. И в это время к колонке никто из продавцов или покупателей не подходил – там священнодействовали зависимые от наркотиков бледные тени молодых людей обоего пола. Некоторые из них, исколов, видимо, до предела вены на руках, обнажали – вены паховые... Люди отводили глаза...

Разговор двух мужчин через порог на лестничной площадке был сбивчивый и короткий. Дедушка заверял, что ничего делать для него не нужно, объясняя это тем, что «в жизни все может быть». Главное, мол, что все вышло на поверхность. Он имел в виду, что вот выговорился человек, признался, и легко теперь будет, потому что в этом главное...

На прощание укравший когда-то Кешу мужчина попросил у дедушки номер его мобильного, но тот опять замахал руками – нет, мол, нет, не переживайте вы так, это, мол, жизнь...

А вернувшись к домашним, дедушка радостно объявил, что объявился настоящий вор Кеши и что Митяшу десять лет назад ни за что оговорили...

Нашли потом фотографию, где Кеша у бабушки на плече. Вычислили тогда, что снимок делался вовсе не десять лет, а двадцать один год назад. Не десять, а два раза по десять лет шел человек от балкона в безмянном переулке к коммунальной квартире со звонком в прошлое. То есть это только кажется, что жизнь топчется на месте. На самом деле она мчится. Она летит. Стремительно. Без оглядки на опоздавших... Блажен, кто успеет.

